

РАЗВИТИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ В ВОКАБУЛЯРЕ РУССКОГО СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО ГОВОРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Проанализированы пространственные лексико-семантические парадигмы в истории русского старожильского говора Западной Сибири с XVII по XX в. на примере томского говора. Развитие семантики лексических единиц в таких лексико-семантических парадигмах рассмотрено как отражение процесса формирования пространственной картины мира. Диалектика диахронного и синхронного подходов при анализе языковых фактов выражена в изучении динамики семантических процессов на протяжении 400 лет вплоть до современности, а также во внимании к системному осмыслению сегодняшнего состояния исторически изменившихся лексических единиц и их взаимных связей.

Ключевые слова: лексико-семантическая парадигма; томский говор; лексическая единица; диахрония.

Для современной лингвистики, исходящей из понимания сложности «объясняемого» объекта и соответственно этому выбирающей параметры и методы исследования, актуально совмещение диахронного и синхронного подходов при анализе языковых фактов. В работе их диалектика выражена в отказе от сосредоточенности только «на динамике исторических процессов в далеком прошлом», в «доведении их до современности», а также во внимании «к системному осмыслению современного состояния исторически изменившихся элементов языка и их взаимных отношений» [1. С. 103].

Изучение проблемы концептуализации пространства русским языком в Западной Сибири на протяжении XVII–XX вв. предполагает ответ на принципиальный вопрос: имел ли такой процесс местную специфику, т.е. можно ли говорить о формировании региональной пространственной языковой картины мира? Поскольку значение и семантические отношения лексических единиц¹ (ЛЕ) являются языковым воплощением представлений, одним из путей решения этой проблемы видится исследование семантики пространственных наименований в диалектах, формировавшихся на новых российских территориях.

Материалом исследования являются данные исторических и диалектных словарей, а также памятников делового письма, отражающих речь первопоселенцев Томска (первая половина XVII в.), в числе которых были и Емельяновы, основатели д. Емельяновой (ныне с. Вершинино), а в последующие периоды (XVIII–XIX – начало XX в.) – речь жителей Коларовской (Спасской) волости Томской области (с. Ярское, Вершинино, Батурино, Ларино). Материал рассматривается в перспекции: от исходного состояния томского говора [6] к его современному состоянию.

Цель статьи – проанализировать пространственные лексико-семантические парадигмы (ЛСП) и рассмотреть развитие семантики составивших их ЛЕ в истории русского старожильского говора Западной Сибири (томский говор² с XVII по XX в.) как отражение процесса формирования представлений русских сибиряков об открытых и осваиваемых ими землях.

Говоря о лексической системе (ЛС) говора, мы исходим из понимания диалекта как системы, которая имеет территориально-культурную обусловленность и проявляется не только в структурном своеобразии, но и «в строении диалектных текстов... в когнитивных особенностях диалектной речи, в особой картине мира, реализуемой в общении на диалекте» [7. С. 49].

Методика историко-семасиологического исследования соответствует решаемым задачам. Для выявления семантических изменений слов в ЛС говора использованы традиционный в исторической лексикологии историко-культурологический анализ и синхронный метод системно-структурного анализа [8–11]. Семемы лексико-семантических вариантов (ЛСВ) изучены в значимые для формирования говора периоды, с тем чтобы обнаружить закономерное для данной ЛС развитие структуры каждой семемы и семантических структур анализируемых слов. Собственно семасиологический аспект исследования (структура лексического значения, синтагматика ЛЕ) совмещен с ономазиологическим (парадигматические семантические отношения, денотативная отнесенность, деривативные связи).

Последовательность анализа: 1) определение семантики пространственных ЛЕ в говоре в его исходном состоянии; 2) описание развития структуры их лексического значения и семантической структуры полисемантов в диахронии; 3) выявление изменений в парадигматических отношениях ЛЕ в ЛСП.

I. В памятниках местной деловой письменности, отражающих томский говор в его исходном состоянии, зафиксированы три из отмеченных в [12. Вып. 16. С. 204–206] девяти ЛСВ общерусской лексемы *поле* (всего 7 словоупотреблений):

1. ‘Ровное безлесное пространство’: *И я государь велел служивым людем по государеву наказу за Томью рекой на горе острог ставити где луги и поля великие.* ½ XVII в. [13. Т. 1. С. 454].

2. ‘Поле, нива; участок обрабатываемой земли’: *...выделные люди с поля хлеба в гумна возити и молотити и на поле в большие копны класть не смеют весь хлеб стоит в поле.* XVII в. [14. С. 58].

3. ‘Степь // Степные окраины Московского государства’: *И Матвей де и Семен те кони взяли себе и поехали к Руси по своим поместьям с своими людьми полем мимо Томского города.* ½ XVII в. [13. Т. 1. С. 418].

Слово *елань* (*ялань*) в [15. С. 65] и в наших материалах отмечено с начала XVII в. в значении ‘луговая и полевая равнина’: *...дали мнѢ под пашню вверхъ Томи реки выше Сосновки речки версты з две на Томи рѣке возле кур’ю до уклону болия ялани а с верхнею и с нижнею сторону до болот.* 1650 г. [16. Ед. хр. 381. Л. 328]. Оно имеет большее количество фиксаций (11), чем ЛСВ 1 ‘ровное безлесное пространство’ общерусского слова *поле* (2). В числе целого ряда объяснений этого факта нужно видеть и то, что региональное слово *елань* (*ялань*) точнее выражало природные реалии, с

которыми столкнулись русские люди в Сибири, поскольку в его семеме присутствовала сема 'место в лесу' [12. Вып. 5. С. 44]. Именно эта сема являлась дифференцирующей для лексических значений *поле* (1 ЛСВ) и *елань* (*ялань*).

Общерусское многозначное слово *луг* зафиксировано в томском говоре в его исходном состоянии в значении 'луг, сенокосное или пастбищное угодье' [Там же. Вып. 8. С. 292]: *И я государь велел служивым людем по государеву наказу за Томью рекою не горе острог ставити где луги и поля великие. ½ XVII в. [13. Т. 1. С. 454]. В таком же значении зафиксирована ЛЕ луговое место: ...а сенные покосы и скотинной выпускъ от тово места за курею место луговое по отделу томскова сна боярскова Семена Лаврова... 1650 г. [16. Ед. хр. 381. Л. 328].*

Лексема *кулига* 'участок земли на берегу реки (в излучине, по плесу), используемый как сенокосное угодье; рощище, полянка, пожня в лесу' в интересующий нас период имела ареал (южно-русские и восточная группа северно-русских говоров) [17. С. 11]. В томских деловых документах она зафиксирована с конца XVIII в.

II. ЛЕ поле.

1) *Всего на подгородномъ поле пашенных крестьян 40 члвк а гсдрвы десятинные пашни пашутъ дватцат пят десятин с полудесятиною в поле а въ дву потому же. 1665 г. [16. Ед. хр. 594. Л. 643–645].*

2) *Всего гсдрвых пашенных крстьян на подгородном поле і в спасском селѢ і в Сосновском ѡстроге РКД члвк а пашни ПА десятина без четверти в поле а в дву потому же. 1666 г. [Там же. Ед. хр. 479. Л. 261].*

3) *И въ тѢхъ государь деревняхъ они... набѢжавъ на поля убили до смерти русскихъ людей мужеска полу 11 человѢкъ. 1700 г. [18. С. 90].*

4) *И до оной поскотины градской скоть выходитъ... в насеенном (в) полях созрешемъ хлѢбе... ядятъ топчут и воляютъся. 1799 г. [19. Ф. 259-1. Ед. хр. 6. Л. 206].*

5) *І на оныхъ высеяно четвертей и сколко за неростеніемъ не засеіно полей осталось а равно же каковъ тотъ хлѣбъ в произростеніи оказывается. 1803 г. [Там же. Ф. 57-1. Ед. хр. 3. Л. 53].*

6) *Поскотины также не везде прочные и ветхия, не могут удержатъ скотину отчего наносится произрастающим на полях посеянным потрава. 1820 г. [Там же. Ф. 67-1. Ед. хр. 11. Л. 162].*

7) *Домохозяева имѢютъ огороды и въ нѢкоторыхъ селеніяхъ посѢвъ картофеля производится на поляхъ садовъ по здешней волости неимѢтся. 1849 г. [Там же. Ф. 57-1 Ед. хр. 166. Л. 80].*

Структура семемы ЛСВ 1 *поле* 'ровное безлесное пространство'. Основные семы: 'угодье большого размера', 'открытое безлесное место', 'ровное место' (контексты 1–2); 'расположенное за пределами населенного пункта', 'пригодное для возделывания сельскохозяйственных культур' (контексты 1–2); 'угодье, принадлежащее обществу' (контексты 1–3).

Структура семемы ЛСВ 2 *поле* 'поле, нива; участок обрабатываемой земли'. Основные семы: 'пашня, обрабатываемое угодье' (контексты 4–7); 'состоящее из нескольких частей' (контексты 5–6); 'принадлежащее обществу (селу, деревне и пр.)' (контексты 4, 6); 'принадлежащее кому-л. индивидуально' (контексты 4, 7).

Периферийные семы (не актуализированы в контекстах): 'большие размеры', 'открытое безлесное место', 'ровное место'.

Слово *поле*, таким образом, продолжало функционировать в истории томского говора как многозначное, но его семантическая структура претерпела изменения. Во-первых, в наших материалах не зафиксировано контекстов с ЛСВ 3 *поле* 'степь'. Во-вторых, контексты с ЛСВ 2 *поле* 'нива; участок обрабатываемой земли' количественно преобладают над примерами с ЛСВ 1 'ровное безлесное пространство' (примерно в 2 раза). Употребление ЛСВ 2 слова *поле* в составе формулы трехполья «...в поле, а в дву потому же» уходило в прошлое: такие контексты, датированные позднее второй половины XVII в., отсутствуют.

ЛЕ *елань* (*ялань*), *еланное место*.

8) *...в томском твои гсдрвы воеводы Михаило Петровичъ Волинской с товарищи дали мнѢ под пашню вверхъ Томи реки выше Сосновки речки версты з две на Томи рѢке возле кур'ю до уклону болия ялани а с верхнею и с нижнею сторону до болот. 1650 г. [16. Ед. хр. 381. Л. 328].*

9) *Со 100 въ право еланью до леса. 1804 г. [19. Ф. 175-2. Ед. хр. 42. Л. 3].*

10) *...въ деревни Ипатовой по мѢстному положению земли сѢнокосныхъ луговъ неимѢтся а производятъ крестьянѢ той деревни сенокосеніе на еланыхъ мѢстахъ между селами кто гдѢ сыщеть для себя способнѢишее мѢсто. 1821 г. [Там же. Ф. 57-1. Ед. хр. 36. Л. 449].*

11) *Елань ровная, земля черная, пашутъ много. ЛѢсъ только... 1903г. [Там же. Ед. хр. 233. Л. 20].*

Структура лексического значения ЛЕ *ялань* (*елань*) и *еланное место* 'луговая и полевая равнина'. Основные семы: 'относительно большое угодье' (контексты 8, 11), 'ровное место' (контекст 8, 11), 'расположенный в лесу, между лесными массивами' (контекст 9, 11), 'используемый под пашню, сенокос или пастбище' (контексты 8, 10, 11). Периферийная сема: 'возвышенное место' (контекст 8, 10).

Отметим, что сема 'принадлежащий кому-л.' не определяется. Скорее всего, елани использовались по принципу «кто где сыщет» (контекст 10), т.е. не закреплялись во владение кому-либо. Сравнивая эти данные с контекстами начала XVII в., в которых упоминается использовавшаяся для создания государевой пашни *подгородная государева елань*, можно утверждать, что это слово как название земельного угодья было осмыслено в истории томского говора с семой 'принадлежащий обществу (селу, деревне и под.)', как и ЛСВ 1 *поле* 'ровное безлесное пространство'.

ЛЕ *луг*, *луговое место*.

12) *А по осмотрѢ де того пометного лугового мѢста подъ скотинными выпускъ будетъ три десятины а сѢнныхъ покосовъ на сто копень. 1694 г. [14. С. 44].*

13) *Да они ж владеют... лугомъ вверх по реке Томи против села Спасского... их владения от Панковой курьи вниз по реке Томи до усть Черной и Мигшиовой речки длиннику 2 версты поперег от реки Томи до болота верста. 1703 г. [20. С. 135].*

14) *Да к тем же юртам владеют лугом под скотинным выпуском и под сенные покосы от межи слу-*

жилых... и до Долгого озера Большим лугом к реке Томи длиннику верста поперег от реки Томи к Черной речке четверть версты. 1703 г. [20. С. 135].

15) ...*владѣют за рѣкою Томью в лугах противъ рѣчки большой киргиски сеными покосы на 2000 копенъ.* 1803 г. [19. Ф. 175-2. Ед. хр. 42. Л. 25].

Структура лексического значения ЛЕ *луг* и *луговое место* 'луг, сенокосное или пастбищное угодье'. Основные семы: 'относительно большое угодье' (контексты 12–15), 'используемый для сенокосения и выпаса скота' (контексты 12, 14, 15), 'принадлежащий кому-л. индивидуально' (контексты 13–15), 'расположенный в низменных местах' (контексты 13–15). Периферийная сема: 'заливаемый водой' (контексты 13–15).

ЛЕ *кулига*.

16) ...*а по прежнему ромбу от повороту кулига шириною... даны повороты 1-ый по кулиге и к поскотинѣ нынѣшняго владенія монастырскаго.* 1804 г. [19. Ф. 175-2. Ед. хр. 42. Л. 3 об.].

Структура лексического значения ЛЕ *кулига* 'участок земли на берегу реки, используемый как сенокосное угодье; рощица, полянка, пожня в лесу' [21. С. 68; 12. Вып. 8. С. 114]. Основные семы: 'угодье небольшого размера', 'окруженное другими угодьями', 'используемое под сенокос' (контекст 16). Периферийная сема: 'принадлежащее кому-л.'

III. Парадигматические отношения анализируемых ЛЕ в процессе формирования ЛС томского говора. В исследуемых текстах эти пространственные ЛЕ употребляются в составе лексических рядов: *поле – пашня, поскотина, огород, сад, село, деревня, селение, волость* (контексты 1–7); *елань, еланное место – земля, место, лес, просека, пашня, деревня, село, река, курья, болото, луг* (контексты 8–11); *луг, луговое место – скотинный выпуск, сеной покос, рыбные ловли, река, курья, остров, озеро, болото, село* (контексты 12–15); *кулига – поскотина, поворот* (контекст 16).

Синонимические отношения складываются между ЛСВ (2) *поле – пашня* (контексты 4–6); *ялань (елань) – еланное место; луг – луговое место*. Отмечены родовидовые отношения: *земля – еланное место* и *елань* (контекст 10, 11), *луг – скотинный выпуск* и *сеной покос* (контексты 14–15), *луговое место – скотинный выпуск* и *сеной покос* (контекст 12).

В период становления ЛС сибирского говора формируются отношения антонимии: *поле – огород, поле – сад* (контекст 9), *еланное место – луг* (контекст 12). В семеме ЛСВ (1) *поле* 'ровное безлесное пространство' выявлена сема 'расположенный за пределами насе-

ленного пункта', а в семемах слов *огород* 'участок земли, обычно вблизи дома, для выращивания овощей' и *сад* 'участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами, обычно с проложенными дорожками' – сема 'находящийся в пределах усадьбы'. В антонимической паре *еланное место – луг* семы 'место в лесу' ↔ 'открытое место'; 'ровное место' ↔ 'низменное место' создавали отношения противоположности. В современном состоянии томского говора (XX в.), несмотря на то что отношения антонимии имеют «более редкую актуализацию в диалектной речи по сравнению с другими видами системных связей» [22. С. 5], как антонимы определяются лексемы *елань – луг*. В их лексических значениях семы 'возвышенное место' ↔ 'низменное место' [22. С. 87] более четко оформляют отношения противоположности по сравнению с предшествующим периодом. Изменения в антонимической паре происходят в связи с уменьшением употребления устойчивых атрибутивных словосочетаний и последовавшим за этим разрушением синонимических отношений (*елань – еланное место, луг – луговое место*).

Итак, состав ЛСП *поле – елань – луг – кулига* семантического поля «угодье» в томском говоре начал оформляться с первой половины XVII в., и в период со второй половины XVII по XX в. две общерусские и две имевшие и имеющие ареал лексемы стали полноправными членами этой парадигмы и, следовательно, всей ЛС сибирского диалекта.

Наш анализ показывает, что семантические системные отношения в ЛС современного сибирского говора формировались на протяжении всей его истории и сложились примерно в таком состоянии, как сегодня, в течение второй половины XVII–XIX вв. Изменения в семантике или в парадигматических отношениях одного элемента приводили к сдвигам в ЛСП в целом. Например, возникновение лексической оппозиции *поле – огород* связано с произошедшей в их семемах актуализацией сем 'находящийся за пределами / в пределах населенного пункта', процесс формирования антонимической парадигмы *елань – луг* взаимосвязан с процессом утраты ЛЕ, выраженных атрибутивными словосочетаниями (*еланное место, луговое место*).

Изменениям подвергалась семантика как общерусских единиц, так и диалектных именно потому, что они образовали и продолжают составлять единую ЛС сибирского говора. Лексика современного сибирского говора, собственно, продолжает выражать эту специфическую (региональную) картину мира в уже сложившихся системных связях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Лексическими единицами мы называем лексемы и устойчивые словосочетания, которые выражают, как и слово, единое понятие, обладают различными видами лексических свойств (структурно-семантических, системных, функциональных и пр.) и являются регулярными в языке в различные периоды его развития [2–5].

²Томским говором в работе называем сибирский старожильский говор (например, говор с. Вершинино Томского р-на Томской обл.), исторически сложившийся на близко прилегающей к Томску территории и отражавший традиционный для крестьянской Руси уклад жизни вплоть до начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добродомов И.Г. Еще раз об исторической памяти в языке // Вопросы языкознания. 2002. № 2. С. 103–109.
2. Блинова О.И. Двусловные номинации в аспекте образности и лингвокультурологии // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 132–136.

3. *Голев Н.Д.* Речевые описательные наименования (Место в системе номинативных единиц. Некоторые особенности структуры и функционирования) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8. С. 92–105.
4. *Климовская Г.И.* О синлексическом слое словарного состава русской народно-разговорной речи XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 18–26.
5. *Торопцев И.С.* Очерк русской ономастологии (Возникновение знаменательных лексических единиц) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1970. 37 с.
6. *Палагина В.В.* Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора) : дис. ... д-ра филол. наук (отдельные разделы) // В.В. Палагина: годы и труды. Томск, 2007. С. 25–203.
7. *Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю.* Диалектный текстовый корпус как источник изучения культурно-когнитивной и коммуникативной специфики диалекта // Актуальные проблемы русской диалектологии. М., 2006. С. 48–50.
8. *Апресян Ю.Д.* Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 3–23.
9. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. 366 с.
10. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка: учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1982. 272 с.
11. *Стернин И.А.* Коммуникативная модель значения и ее объяснительные возможности // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987. С. 15–23.
12. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–28. М., 1975–2008.
13. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М. ; Л., 1937–1941. Т. 1–2.
14. *Из истории земли томской. 1604–1917 гг.* : сб. документов. Томск, 1979. Вып. 1. 63 с.
15. *Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века.* Томск, 2002. 334 с.
16. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА).* Ф. 214 : Столбцы и Книги Сибирского Приказа.
17. *Инютина Л.А.* Сельскохозяйственная лексика томского говора (исходное состояние, формирование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1993. 20 с.
18. *Памятники сибирской истории XVIII в.* СПб., 1882. Т. 1.
29. *Государственный архив Томской области (ГАТО).*
20. *Бояришинова З.Я.* К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. // Вопросы географии Сибири. Томск, 1951. № 2. С. 95–141.
21. *Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.* Новосибирск, 1991. 181 с.
22. *Блинова О.И.* Словарь антонимов сибирского говора. Томск, 2003. 242 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 сентября 2011 г.